

О НОВЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.580

Электоральный ландшафт в России: вчера, сегодня, завтра

Ссылка для цитирования: *Гешева Е. Г. Электоральный ландшафт в России: вчера, сегодня, завтра // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 125–137. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.580>*

For citation: Gesheva, E. G. Russia's electoral landscape: yesterday, today, tomorrow. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 125–137. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.580>

Гешева Елена Георгиевна

Национальный исследовательский университет
«МЭИ»,
Москва, Россия

elenagesheva@yandex.ru

Электоральный ландшафт в России: вчера, сегодня, завтра¹

Аннотация. В коллективной монографии «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита» эксперты ВЦИОМ анализируют эволюцию политического поведения россиян и выявляют перспективы и риски следующих электоральных циклов. Базой для анализа электорального ландшафта послужили масштабные социологические исследования последних избирательных компаний. Авторы отмечают, что выборы в России происходят в условиях политической системы с ограниченной конкуренцией, не создающей возможности для реального «веера альтернатив». Социологические исследования показывают, что все последние электоральные циклы в России осуществлялись в классическом духе веберовской плебисцитарной демократии, а главным источником социального доверия в обществе является личность политического лидера с легитимностью патерналистского толка. Россияне не рассматривают выборы в логике рационального поведения и полезности, выгод для себя и возможных приобретений для страны, решение экономических проблем в массовом сознании не увязывается с развитием демократических институтов. К оппозиции в основном относятся с недоверием, об этом свидетельствует провал бойкота выборов, предложенный несистемной оппозицией, невысокий уровень сигнального голосования и др. В коллективной монографии выделяются базисные основания «посткрымского консенсуса» – сплочение вокруг фигуры сильного лидера, усиление патриотических настроений на фоне возвращения Крыма и западных санкций. Авторы, исследуя массовое сознание, отмечают «промежуточный» характер ценностной среды, для которой характерны идеологические разломы и размежевания, прежде всего – между консервативным большинством и либеральным меньшинством. Неоднозначность ценностного поля позволяет с равным основанием говорить и о сформировавшемся «посткрымском консенсусе», и о «посткрымском размежевании». «Посткрымский консенсус» сработал не только как механизм объединения, но и как механизм обособления и исключения. В монографии рассматривается влияние эмоциональной компоненты на электоральный выбор. Существенное внимание в работе уделяется проблемам политического прогнозирования, приёмам и методам политического прогнозирования, позволяющего выделить дальнейшие направления и тенденции в электоральных процессах.

Ключевые слова: выборы, электоральное поведение, политическое прогнозирование, методы политического прогнозирования, консенсус, ценности, ограниченная конкуренция

¹ Рецензия на книгу «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита» / Под. ред. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018.

Коллективная монография «Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита» будет интересна всем, кто интересуется электоральными исследованиями – от специалистов до широкой непрофессиональной аудитории. Эксперты ВЦИОМ анализируют эволюцию политического поведения россиян в 2016–18 гг. и выявляют перспективы и риски электоральных циклов. Читая этот коллективный труд, оказываешься в компании ведущих российских теоретиков и практиков по проблемам электоральных исследований и политического прогнозирования. Сразу отметим не часто встречающееся достоинство исследований подобного рода: многочисленные социологические выкладки не заслоняют живого голоса интеллектуалов, экспертные оценки точны, не «засушены», предлагают свежий взгляд на события недавней политической истории.

Выборы в условиях низкоконтурной политической среды

В работе можно выделить два основных аспекта – анализ больших электоральных циклов на основе прикладных социологических исследований и политическое прогнозирование, позволяющее выделить дальнейшие направления и тенденции в электоральных процессах. Книга в известном смысле фундаментальна – как по масштабу и качеству прикладных социологических исследований, проведённых коллективом, так и по предложенным теоретическим выводам и обобщениям. Это сочетание эмпирических данных и смысловых интерпретаций даёт возможность разобраться в событиях современной электоральной истории, сверить свои ощущения с предложенными выводами и поразмышлять над прочитанным.

Не ставя задачи изложить содержание монографии, остановимся на некоторых узловых темах. Начнём с того, что авторы не рисуют идеализированной картины выборов, завершающихся непредсказуемым результатом и наполненных конкурентной борьбой. Они вполне отдают себе отчёт в том, что выборы в России происходят в условиях политической системы с ограниченной конкуренцией, не создающей возможности для реального «веера альтернатив». Картина электоральных циклов решена в тонах объективного анализа, без желания что-либо приукрасить. Анализируя ход президентской избирательной компании, авторы отмечают, что выборы президента в 2018 г. воспринимались большинством респондентов как игра с заранее известным результатом, что понятным образом отразилось и на интересе к самим выборам, и на мотивации участвующих в них [Выборы на фоне... 2018: 70]. Один из подзаголовков так и называется «Зачем идти на выборы, или торжество политической рутины». Такое название воспринимается как прививка от необоснованных ожиданий и оптимизма.

Впрочем, отметим, что даже тогда, когда выборы во многом имеют предсказуемый характер, процесс тем не менее не исключает интриги. Известно, словарный запас электората – всего лишь два слова «да» и «нет», однако он выступает правителем в узком временном интервале выборного пространства. Поэтому даже в низкоконкурентной политической системе выборы имеют определённый элемент непредсказуемости и заслуживают аналитических усилий. Нередко излишняя уверенность в неопределённом контексте может преподнести сюрпризы. При этом каждый предвыборный цикл обнажает специфическую расстановку сил, известное переформатирование электората, изменения в общественном запросе. Они – барометр общественных настроений и поведения политической элиты. Общество эволюционирует, меняются пределы и способы властного контроля, и выборы, как отхлынувшая морская волна, оставляют новый рисунок на песке. Или всё же повторяют старый? Попробуем разобраться.

Прежде всего утверждаешься в мысли, что все последние электоральные циклы в России (и президентские, и парламентские) осуществлялись в классическом духе веберовской плебисцитарной демократии. Для этого есть множество оснований. Граждане не столько выбирают, сколько в очередной раз оказывают доверие плебисцитарному вождю, поддерживают наиболее сильную фигуру. А главным источником социального доверия в обществе по-прежнему является личность политического лидера с легитимностью патерналистского толка, с множеством сходных определений: «защитник», «спаситель» и т. п. Силовые компоненты в образе президента усилились по сравнению с выборами 2012 г. Об этом убедительно говорят такие данные: характеристика «Путин – это сильный лидер» (88%, рост на 17 п. п.), проводит правильную внешнюю политику (85%, рост на 25 п. п.), добился авторитета России в мире (81%, рост на 17 п. п.) [Выборы на фоне... 2018: 85]. Значение фактора «сильный кандидат» отмечают многие авторы. Так, Р. Ф. Туровский пишет, что отличительной особенностью последних президентских выборов стала консолидация электората вокруг сильного кандидата [Туровский 2018: 40].

В классической теории плебисцитарной демократии доверие к лидеру базируется на экономической эффективности, на способности решать назревшие проблемы. В нашем случае едва ли уместно говорить о том, что россияне довольны экономическим и социальным положением в стране. Большинство выступают за необходимость перемен. При этом в общественных настроениях доминирует запрос на стабильность и спокойную жизнь, перемены скорее пугают. Как связать эти противоречивые настроения? Респонденты отмечают отсутствие реальных кандидатов, способных реализовать этот запрос на перемены. В обществе доминирует опасение, что появление новых фигур только ухудшит ситуацию.

Боязнь ухудшения ситуации в случае, если В. Путин уйдёт с поста президента, в той или иной степени демонстрировали все избиратели, а не только его сторонники [Выборы на фоне... 2018: 75]. Это и понятно.

Можно вспомнить Д. Канемана, утверждавшего, что неприятие потерь является мощной консервативной силой, которая предпочитает минимум перемен по сравнению с нынешней ситуацией [Канеман 2017: 399]. Это правило срабатывает и когда мы защищаем своё территориальное пространство, и когда пытаемся сохранить основные жизненные ориентиры. Перспектива потерь воспринимается сильнее и болезненнее, чем возможный выигрыш. Кроме того, обоснованность реакции страха перемен в России многократно подтверждалась исторически. Именно эти страхи и опасения и определили эффективность негативной мобилизации вокруг фигуры Путина. Разумеется, это не единственный фактор сплочения. В самом названии коллективной монографии «Выборы на фоне Крыма» обозначен один из главных мобилизующих факторов сплочения вокруг фигуры президента – геополитические успехи. Сильный государственный, сильный политик, сильный стратег, особенно в международном аспекте, – базисные основания «послекрымского консенсуса», выразившегося в патриотической мобилизации вокруг фигуры Путина. По существу – патриотические настроения, возвращение Крыма, западные санкции сыграли роль доминирующей матрицы последних президентских выборов.

Особенности политического поведения россиян

Россияне не рассматривают выборы в логике рационального поведения и полезности, выгод для себя и возможных приобретений для страны. Выборы не рассматриваются как шанс что-то изменить в реальной, повседневной жизни. В более общем плане можно отметить, что низкий уровень жизни и решение экономических проблем не увязываются с развитием демократических институтов. К оппозиции в основном относятся с недоверием. Об этом свидетельствует, например, провал бойкота выборов, предложенный несистемной оппозицией, невысокий уровень сигнального голосования и другое.

О чём это говорит? Только о том, что политические предпочтения россиян слабо связаны с социальным положением, реальным качеством жизни и бытовыми трудностями. Стратификационные показатели, экономические интересы и политические предпочтения не соответствуют друг другу, находятся в рассогласовании. Статистика говорит о большом количестве неблагополучного в экономическом и социальном отношении населения. Налицо ухудшение экономического положения, но оптимизм не покидает россиян. Желание перемен не ведёт к политической активности, критическое отношение к власти вполне уживается с запросом на стабильность, хочется жить как в Европе, свободно перемещаться по миру, но не разделять «демократических» ценностей. Западных аналитиков подобные рассогласования в причинно-следственных связях ставят в тупик, но для нас они стали привычными. Почему же? Думается, что логика выживания, ставшая обыденной для значительного

числа россиян, не позволяет сделать шаг из бытовых проблем в плоскость инструментальных действий. Особенность «посткрымского консенсуса» выглядит парадоксально: мы не довольны тем, как мы живём, но одобряем курс власти. Эта нечувствительность к противоречиям является характерной чертой массового сознания. Когнитивный диссонанс преодолевается усилением значимости соображений «высшего толка», а не меркантильного интереса и практическими заинтересованностями. Частные претензии есть, и их много, но они не отменяют поддержки власти в целом. Большинство недовольств, кажется, перекрываются чувством гордости за свою страну, патриотизмом на фоне «крымской волны». В мае 2018 г. 49% россиян считали, что Россия уже является, а 39,5% – что в ближайшие годы станет одной из великих держав [Выборы на фоне... 2018: 132]. Л. Бызов объясняет усиление таких настроений сложившимися социокультурными кодами нации, архетипическими пластами сознания. К этому социокультурному коду относят: православие, сильную централизованную власть, державную имперскую внешнюю политику, духовность в противовес меркантильности [Выборы на фоне... 2018: 121].

По нашему мнению, такой отсыл к очень традиционалистским основаниям говорит о том, что общество живёт в условиях усиления мифологических элементов для управления социумом при одновременном снижении рациональности. Можно много толковать по поводу того, почему рациональное знание снижается, а не нарастает. Это и влияние массовых коммуникаций, сетевых практик, дегуманитаризация образования и многое другое. Всё это темы для специального разговора. А вот прямой перенос этих архетипических сюжетов на современную почву представляется натяжкой. Значение и реальный вес каждого из этих базисных социокультурных кодов могут быть подвергнуты сомнению. Возьмём православие. Вышла ли религиозность для большинства россиян из логики обрядового поведения и стала ли действительным мировоззренческим ориентиром для значимой части граждан? Едва ли. Если мы действительно на нём базируемся, то где ощущение значения своего выбора, свободы этого выбора, ответственности за него? Христианский персонализм никоим образом не встраивается в ритуально принимаемое православие. Это неоднократно становилось предметом и научных, и художественных изысканий. Поэтому едва ли можно говорить сегодня о живучести в неизменном виде традиционалистских установок. Время – оно ведь движется? Сегодняшнее социальное время – это не замкнутый традиционалистский круг, не «лето Господне», а открытый, динамичный вектор. И ментальность тоже меняется. Но как? Пожалуй, для исследователей социокультурных оснований нации – это вопрос вопросов. Как идёт это изменение? Насколько устойчивы эти коды? И повторяются ли они или трансформируются в иные? Если мы стоим на позиции первостепенности этих основ, то тогда ответы на все вопросы готовы, и с ловкостью фокусников можно доставать готовые рецепты управления мифами, фобиями, эмоциями. Но не будем забывать – эти культурные коды про-

тиворечивы, двойственны, содержат в себе противоположные тенденции, а значит, и возможность новых ростков, изменений. Почему происходит реанимация архетипических ценностей? Как отмечает руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН Владимир Петухов, – мы живём в промежуточной ценностной среде. В не до конца устоявшемся обществе «плавают» и система ценностей, тяготеющая к традиционности, но готовая меняться [Выборы на фоне... 2018: 128]. Идеологические разломы и размежевания многочисленны. Общество оказалось одновременно и спаяно, и объединено, и расколото. Например, с равным основанием можно говорить и о «посткрымском консенсусе», и о «посткрымском размежевании». «Посткрымский консенсус» сработал не только как механизм объединения, но и как механизм обособления, исключения. Стало дурным тоном не быть патриотом, не поддерживать церковь и православие, разделять либеральные ценности.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в массовом сознании современного российского общества, Л. Бызов отмечает по крайней мере несколько линий идеологического раскола. Первый – между консервативным большинством и либеральным меньшинством. Второй – внутри собственно «консервативного большинства», то есть между теми, которые отдают приоритет идеям мощного государства, и теми, для кого важнее идеи социальной справедливости. И третий по значимости раскол делит либеральный фланг на правых, «классических» либералов, и левых, с приоритетами прав человека, демократии и т. д. Неоднородно и само консервативное большинство [Выборы на фоне... 2018: 125]. Эти линии размежевания условны и поверхностны, они – только тонкая сеть на общем фоне настроений, который можно охарактеризовать как пассивный конформизм.

Думается, что именно необходимость «свести концы с концами», выживание диктует узкие, прагматические рамки поведенческих стратегий, парадоксальным образом сочетающихся с ностальгическими мечтами о могуществе. Тревожный итог заключается в том, что гражданам России проще и психологически комфортнее ощущать себя в логике «осаждённой крепости», сильной державы, чем экономически преуспевающего государства. Очевидного противоречия, что нельзя быть могущественным без экономического роста, не то чтобы не ощущают, а стараются преодолеть в русле механизма разрешения когнитивного диссонанса.

Обобщая эти сюжеты первых глав монографии, отметим, что последние президентские и парламентские выборы (отмеченные общей логикой) не могли преподнести и не преподнесли ничего неожиданного. Можно отметить лишь некоторые новые штрихи. Так, авторы пишут о принципиальном отличии результатов президентских выборов 2018 г. от предыдущих, заключающемся в повышении популярности Путина среди городского населения. Что это? Отражение более высокого уровня жизни в крупных городах или рост патерналистских настроений, установка на зависимость от государства? Неплохо было бы согласиться с пер-

вой половиной вопроса, но едва ли это так. В исследовании «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность. Пятнадцать лет спустя» отмечается, что на фоне экономического кризиса впервые в новейшей истории России из-за кризиса пострадали в большей степени именно крупные города [Столицы и регионы... 2018]. По нашему мнению, скорее можно говорить о реставрации традиционных, казалось бы, преодоленных, ментальных характеристиках жителей крупных городов. Откат от выраженных индивидуалистических установок, самодостаточности, крен в сторону популизма и патернализма. А как же средний класс – ведь именно он носитель модернизационной ментальности? Но российский средний класс атомизирован, «огосударствлён» (так, большинство из ядра среднего класса – до 65% – это работники госсектора) [Средний класс... 2016: 57]. По существу, сейчас средний класс – достаточно консервативный сегмент общества, тесно связанный с госсектором в гораздо большей степени, нежели с передовыми технологиями и наукоёмкими производствами. И при этом, отметим, вполне заглотивший, пусть и скромную, наживку потребительского поведения. А значит, – крайне несамостоятельный, зависимый, заинтересованный в сохранении своих позиций, а не в их улучшении. Справедливости ради следует отметить, что российский средний класс таков, потому что хорошо усвоил урок самосохранительного поведения, преподанный властью (вспомним «белоленточное» движение), когда любые социальные формы активности, направленные на изменение существующего положения дел, интерпретируются как призыв к разрушению социального порядка [Алейников и др. 2015: 31].

Политический прогноз: взгляд в будущее

Значительное внимание авторы уделяют методикам получения данных, позволяющих заглянуть в будущее. Юлия Баскакова, руководитель практики социального моделирования и прогнозирования ВЦИОМ, делится секретами «прогнозной кухни ВЦИОМ, рассматривая различные методики прогнозирования» [Выборы на фоне... 2018: 15]. Знакомство с этими сюжетами вполне убеждает в том, что мы можем говорить об уже достаточно развитой школе отечественного политического прогнозирования, о существенно выросшем уровне этих исследований, даже по сравнению с недавним прошлым рубежа 1990–2000 гг. Читатель на примере конкретных политических событий (выборов 2016–18 гг.) может оценить отработанные механизмы политического прогнозирования и познакомиться с новыми подходами. Конечно, никогда не знаешь, какие сюрпризы готовит жизнь, «эффект бабочки» многократно доказывал это, но пытаться построить методологическую базу эффективного прогнозирования – интеллектуальный вызов для современной социологии, а если речь идёт о политических электоральных исследованиях, то это и их целевая задача.

Проблеме выявления новых оснований для точного прогноза результатов выборов посвящена глава «Валидность и точность в электоральных прогнозах: реабилитация эмоций». Само обращение к эмоциональной сфере является достаточно новым и смелым шагом в электоральных исследованиях. Влияние эмоций на выбор респондентов – фактор весьма непрозрачный, слабо поддающийся строгому анализу, и попытки «взвесить» его требуют и особых методик, и нового взгляда. Но это никак не отрицает их значимости. Более того, думается, что именно для России фактор эмоционального выбора особенно велик. Исследования показывают, что «рассогласованная установка», когда рационально положительно воспринимаемый кандидат отторгается эмоционально, характерна для существенной части электората. Об этом хорошо осведомлены организаторы предвыборных кампаний. Вспомним, что одни из президентских выборов В. Ельцина сопровождался слоганом «Голосуй сердцем». Такой призыв прямо предполагал заменить рациональный анализ эмоционально обобщённой оценкой по критерию «нравится – не нравится». «Нелогично» ведут себя примерно треть опрошенных [Выборы на фоне... 2018: 244]. Заключим, что апелляция к иррациональной сфере весьма действенна, но механизмы её слабо изучены. Сам процесс влияния эмоций на принятие решений, выбор действия в психологической литературе поднимается постоянно. Психологи отлично знают, что человек далеко не всегда осознаёт скрытые мотивы своего поведения, не вполне представляет себе, как он поступит в тех или иных обстоятельствах. Вступая на тонкий лёд учёта подсознательных иррациональных мотивов действия субъекта, аналитики могут опираться на исследования, например, Даниэля Канемана и Амоса Тверски, пытавшихся вскрыть основания «ограниченной рациональности». Канеман выделил широко известные различные режимы мышления – «систему один» и «систему два». «Система один» работает быстро, часто импульсивно, автоматически, ответы предлагает подчас неверные, но психологически комфортные. Ситуация затруднения заставляет включить возможности «системы два», которая должна анализировать, сопоставлять. Беда в том, что, по мысли Канемана, «система два» ленива, и люди склонны доверять собственным интуитивным прозрениям, не давая себе труда подвергнуть их рациональному осмыслению. Иными словами, «эмоциональный мозг» побеждает «рациональный мозг», к счастью, правда, не всегда. Ещё более верно то, что мы знаем о себе мало. «Рациональный человек» – хороший теоретический конструкт, но мы устроены сложнее, и жизнь даёт тому поразительные примеры. О. Чернозуб ставит задачу выявления влияния аффективных факторов на электоральное поведение. Здесь возникает ряд вопросов. Прежде всего, – как велик процент «голосующих сердцем»? Как его определить? И можно ли вообще говорить о том, что одни люди ведут себя как рациональные экономические субъекты, а другие – как в большей степени подверженные эмоциональным факторам. Думается, что в срезе любого поведенческого акта эти факторы пересекаются и не могут быть отделены

друг от друга. Вопросы можно было бы множить. Но достоинством этой части работы является то, что в ней не только постулируется важность эмоциональных факторов, но приводятся конкретные методики измерения аффективной компоненты электорального поведения. Например, это практика применения графического ассоциативного теста отношения (ГАТО), «термометра ощущений» и другие. Исследования ВЦИОМ 2016–18 гг. проводились с целью выявления влияния эмоциональной компоненты на выбор и, как утверждает О. Чернозуб, это позволило заметно улучшить точность прогноза. Оценка исхода голосования, учитывающая аффективную и когнитивную компоненты, даёт более точный прогноз, чем оценка по одной какой-то компоненте [Выборы на фоне... 2018: 250–254].

Глава «Политические риски следующего электорального цикла» посвящена прогнозу выборов 2021–24 гг. Эта часть написана в эвристическом ключе, что понятно в свете быстро меняющейся, иногда самым непредсказуемым образом, социальной и экономической обстановки. Авторы Михаил Мамонов, Игорь Гаврилов и Михаил Вядро пытаются выделить ключевые факторы и тенденции, влияющие на предстоящий цикл, а также предположить возможные триггеры реализации политических рисков, связанных с выборами [Выборы на фоне... 2018: 265]. Прежде всего, и это справедливо, безусловное влияние будет оказывать негативное отношение граждан к проводимым реформам (в частности, особенно болезненная пенсионная, но не только). Цена, которую приходится платить обществу за осуществление социально-экономических реформ, непомерно высока. Но самое главное – люди не видят в реформационном процессе перспектив для себя, да и для будущего страны в целом. «Отрыв власти от реальности» вносит свою лепту в восприятие проектов как несправедливых, в ощущение себя жертвами перемен [Выборы на фоне... 2018: 268].

Что нас ждёт и куда мы идём? Ответы не выглядят очевидными, российский политический процесс в последнее десятилетие, по мысли авторов, отличается низкой предсказуемостью. Многочисленные определения «гибридная демократия», «управляемая демократия», «путинизм» (как нам представляется, последнее – не самый элегантный новояз) не отвечают на вопрос о трендах развития. Очевидно, что в условиях кризиса быстро меняющегося мира полагаться на то, что проблемы можно решать в старой логике уже устоявшихся клише – непродуктивно. В эпоху посттрадиционализма изменения диктуются уже не логикой пройденного, а запросом на новые ветры перемен. Ну, или, по крайней мере, так хочется думать.

Авторы весьма скрупулезно рассматривают социально-политический феномен «путинизма», уделяя внимание различным мнениям относительно его «функциональности–дисфункциональности», «эффективности–неэффективности». Не вдаваясь в детали (читатель сам проделает эту работу), отметим, что основные усилия затрачены на то, чтобы доказать мало кем оспариваемый сейчас довод, что модернизация возможна

и эффективна даже в рамках авторитаризма. Тому приводится масса исторических подтверждений. Это и успехи некоторых стран Латинской Америки, и азиатские «тигры и драконы». В духе Сеймура Липсета делается утверждение, что экономические успехи и рост благосостояния должны привести в перспективе к росту демократии, снизив социальные конфликты по поводу перераспределения ресурсов. Липсет утверждал, что «чем выше уровень благосостояния нации, тем больше шансов на обеспечение демократии она имеет» [Lipset 1956: 75]. Действительно, авторитарная модернизация существует как устойчивое историческое явление и иногда оказывается успешной [Выборы на фоне... 2018: 298]. А иногда (добавим скепсиса) – нет. К тому же, авторитаризм создаёт и широкую базу для развития деструктивных тенденций самого широкого толка. Складывается впечатление, что усилия автора (подкреплённые многочисленными ссылками на научные авторитеты) направлены на доказательство и обоснование именно этой, безусловно, весьма возможной, но не единственной перспективы.

Нам представляется, что формула «успех выживаемости – в гибкости», при всей своей банальности, верна. Если мы не видим возможности новых ответов на вызовы времени – это трагедия нации. В современных условиях залог успеха – в инновационных творческих подходах, это никем не опровергаемый тезис. Но при обсуждении эволюции политической системы акценты переносятся уже не на гибкость, а на «стабильность», консерватизм и неизменность, устойчивость. Сам вывод, что результат «путинской» модернизации российской экономики определён положителен и не просматривается никаких существенных признаков, позволяющих сомневаться в его устойчивости, едва ли можно принять безоговорочно [Выборы на фоне... 2018: 312]. Постпутинский транзит, как его представляют авторы, – по существу только обновлённая, косметически подправленная версия персоналистско-бюрократического авторитаризма. Ну, разве что, – это транзит в сторону развитого «авторитарного демократизма». Мы не рискнули бы предположить, что эта тенденция единственная. Если приглядеться к политической практике, то заметно, что и в политической элите идёт активный поиск новых моделей, нащупывание новых оснований для социальной консолидации. Во времена кризисного развития пытаться продлить старые тенденции и обосновать их неизбежность – едва ли благодарная позиция. Задача социологов – попытаться увидеть возможно более широкий спектр грядущих изменений. Если мы этого не сделаем, то не увидим малых, пока незаметных перемен, которые могут обновить картину радикально. По крайней мере, концептуально-теоретически это вполне возможно.

Итак, книга прочитана. Картина электоральных циклов проанализирована глубоко и всесторонне. Остаётся некоторое послевкусие, понимание того, что часто выборы – это выборы без выбора. Можно ли изменить эту ситуацию? Можно ли добиться каких-либо сдвигов в реальной жизни, используя этот механизм народного волеизъявления? Да, если люди видят связь своего выбора с изменениями в их жизни. Нет,

если голосование представляет собой ритуальное действие, не подкреплённое реальными изменениями. При всех отсылках к необходимости совершенствования избирательного процесса подчеркнём и другую сторону медали. Необходимо научиться *ответственно* избирать. В этом смысле выбор – самая действенная форма личностного становления, даже если это и выбор главы муниципального органа. Люди совершают выбор, но и выбор изменяет их.

Библиографический список

Алейников А. В., Стребков А. И. 2015. Конфликты и социальная стабильность в современной России / Вопросы философии. № 12. С. 27–40.

Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / Под ред. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018. 750 с.

Канеман Д. 2017. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ. 656 с.

Средний класс в современной России / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 368 с.

Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2018. 312 с.

Туровский Р. Ф. 2018. Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // Полития. № 2. С. 23–43.

Lipset S. 1959. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. № 53 (March). P. 69–105.

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.580

Russia's Electoral Landscape: Yesterday, Today, Tomorrow

Elena G. Gesheva

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia. E-mail: elenagesheva@yandex.ru

For citation: Gesheva, E. G. Russia's electoral landscape: yesterday, today, tomorrow. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 125–137. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.580>

Abstract. In the collective monograph "Election in the context of Crimea: the 2016–2018 election cycle and prospects for a political transition", edited by V. Fyodorov, experts from the Russia Public Opinion Research Center analyze the evolution of Russian people's political behavior during the years 2016–2018, while revealing the prospects and risks for subsequent election cycles. Major sociological evaluations of the latest electoral campaigns served as a basis for analyzing the electoral landscape. The authors note that elections in Russia are held under a political system with limited competition, which doesn't create any possibility for an array of alternative choices. Sociological studies show

that all of the latest election cycles in Russia were conducted in the typical spirit of Weber's plebiscitary democracy, while the main source of public trust in society is the political leader's personality, legitimized in a paternalistic fashion. Russian people do not consider elections within the logic of rational behavior and usefulness, or personal benefit and potential gains for the country as a whole. In public consciousness overcoming economic issues is not linked to developing democratic institutions. Most people distrust the opposition, made apparent by the failed election boycott proposed by the non-system opposition, by meager signal voting etc. This collective monograph highlights the basic foundations for a "post-Crimea consensus" – rallying around a strong leader figure, intensifying patriotic attitudes within the context of returning the Crimea and in the face of western sanctions. While studying mass consciousness, the authors highlight an "intermediate" state of the value environment, which is characterized by ideological divides and separations, the main of which divides the conservative majority and the liberal minority. Such ambiguity in the realm of values provides equal grounds for stating that we are dealing with both a "post-Crimea consensus" and a "post-Crimea divide". The "post-Crimea consensus" served not only as a means of consolidation, but also as a means of isolation and exclusion. The monograph also considers the emotional component's effect on electoral choice. The book pays careful attention to issues with political forecasting, as well as techniques and methods used in political forecasting, which allows for highlighting the subsequent course and trends in electoral processes.

Keywords: elections, electoral behavior, political forecasting, methods of political forecasting, consensus, values, limited competition.

References

Aleynikov A. V., Strebkov A. I. Conflicts and social stability in modern Russia. *Voprosy Philosophii = Issues of Philosophy*. 2015; 12:27–40 (In Russ.).

Elections in the Crimea: electoral cycle of 2016–2018 and prospect of political transit. Ed. by V. V. Fedorov. Moscow: WCIOM publ., 2018. 750 p. (In Russ.).

Canneman D. *Thinking, fast and slow*. Moscow: AST, 2017. 656 p. (in Russ.).

Middle Class in Contemporary Russia. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir, 2016. 368 p. (In Russ.).

The Capitals and Regions of Modern Russia: Myths and Facts Fifteen Years Later. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir, 2018. 312 p. (In Russ.).

Turovsky R. F. Presidential Elections in Russia: Opportunities and Limits of Electoral Consolidation. *Politia = Politeia*. 2018; 2:23–43 (In Russ.).

Lipset S. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review*. 1959; 53 (Marc):69–105.